

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

Милая
Никогда не *плутовка*

появилась женщина, которая смогла заманить его...

Джоанна Линдсей
Милая плутовка
Серия «Семейство Мэлори», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131309
Джоанна Линдсей. Милая плутовка: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-085606-0
Оригинал: JohannaLindsey, "Gentle Rogue"
Перевод:
Э. Г. Коновалов

Аннотация

Очаровательную Джорджину Андерсон обманул жених, и сумасбродная девушка решила залечить боль утраты вихрем приключений. Переодевшись юношей, она нанялась юнгой на отходящий от берегов Англии корабль, однако не полюбопытствовала, что представляет собой капитан судна. И напрасно – лорд Джеймс Мэлори оказался не только бывалым моряком, но и опасным сердцеедом, покорителем женщин, буквально падавших к ногам этого мужественного красавца. Где уж тут остаться равнодушной неопытной Джорджине...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джоанна Линдсей

Милая плутовка

Глава 1

1818 год, Лондон

Джорджина Андерсон схватила с тарелки редиску, положила ее в ложку и выстрелила, как из катапульты. Правда, попасть в огромного таракана ей не удалось, но редиска ударила совсем близко от него. Таракан счел за благо укрыться в ближайшей щели. Что и требовалось. Пока Джорджина не видит этих назойливых тварей, она может делать вид, что в ее жилье они не водятся.

Джорджина повернулась к недоеденному завтраку, посмотрела на тарелку и с гримасой отвращения отодвинула ее. Она много отдала бы сейчас за любое блюдо, приготовленное Ханной. За двенадцать лет работы Ханна научилась безошибочно угадывать, чем порадовать каждого члена семьи, и Джорджина в течение всего путешествия на корабле постоянно тосковала по ее стряпне. С того момента, когда пять дней назад они приплыли в Англию, лишь однажды Джорджине удалось вкусно поесть. Это было в день прибытия. Они остановились в отеле «Олбани», и Мак повел ее в шикарный ресторан. Но из отеля они съехали уже на следующий день и поселились в куда более скромных номерах. А что им оставалось делать, если, вернувшись в отель, они обнаружили, что из их чемоданов украдены все деньги?

По правде говоря, у Джорджи, как ее ласково звали близкие, не было достаточных оснований винить в пропаже денег отель. Скорее всего их украли, пока чемоданы путешествовали от причала в Ист-Энде до Вест-Энда, где на Пиккадилли находился престижный отель «Олбани». Пока чемоданы под присмотром возницы и его напарника двигались на повозке к отелю, Джорджина и Мак беззаботно осматривали достопримечательности Лондона.

Если уж говорить о невезении, то началось оно гораздо раньше. Приплыв в Англию, они узнали, что их судно не может войти в порт и что получить свой багаж они смогут не раньше чем через три месяца. Хорошо, что хоть самим пассажирам позволили сойти на берег. Правда, не сразу, а через несколько дней.

Впрочем, удивляться этому не следовало. Джорджина знала о заторах на Темзе, особенно в это время года, когда движение судов зависит от непредсказуемых ветров. Их корабль был одним из дюжины судов, одновременно прибывших из Америки. Кроме того, здесь скопились сотни других, со всех концов света. Подобные заторы были одной из причин, по которой члены их семьи, занимающиеся торговлей, исключили Лондон из своих маршрутов даже перед войной. Фактически ни один корабль компании «Скайларк лайн» не появлялся в Лондоне с 1807 года, когда Англия начала блокаду чуть ли не половины Европы во время своей войны с Францией. Для «Скайларк лайн» торговля с Дальним Востоком и Вест-Индией была не менее прибыльной и гораздо менее хлопотной.

Даже после того как ее страна уладила свои споры с Англией и подписала договор в самом конце 1814 года, «Скайларк лайн» воздерживалась от торговли с Англией, поскольку складирование оставалось весьма серьезной проблемой. Нередко скоропортящиеся товары приходилось оставлять прямо на пристани. Они становились легкой добычей воров, и тогда ущерб достигал полумиллиона фунтов в год. Если же воры по какой-либо причине щадили товар, то он погибал под толстым слоем угольной пыли и копоти.

Иными словами, вести торговлю с Англией было себе дороже. Именно по этой причине Джорджина приплыла в Лондон не на судне «Скайларк лайн», и по той же самой причине она не могла сейчас вернуться домой. Проблема заключалась в том, что у них с Маком оставалось всего двадцать пять американских долларов – именно эти деньги не стали добычей воров, так как были при них, а не в чемодане. И вот теперь в результате всех злоключений Джорджина оказалась в этой комнатенке, расположенной над таверной в Саутуорке.

Таверна! Если бы ее братья узнали... да они способны убить ее, если каким-то образом ей удастся вернуться домой, за то, что она без их ведома отправилась в путешествие, когда они находились по торговым делам в разных частях света. Или уж, во всяком случае, не будут давать ей денег, посадят на несколько лет под замок, да притом еще и выпорют как следует.

Правда, если говорить честно, скорее всего дело ограничилось бы тем, что братья злорово бы ее отругали. Тем не менее, как представишь, что пятеро рассерженных старших братьев совершенно оправданно обрушивают на тебя свой гнев, то становится не по себе. К несчастью, это в свое время не остановило Джорджину, и она отправилась в путешествие в сопровождении Йена Макдонелла, который не имел никакого отношения к их семье. Иногда ей приходила мысль: уж не лишил ли Господь здравого смысла всю ее семью к тому времени, когда она должна была родиться?

Не успела Джорджина встать из-за стола, как раздался стук в дверь. Она собралась было сказать «Войдите», ибо за свою жизнь привыкла, что если стучат в дверь, то это либо прислуга, либо кто-то из членов семьи. За свои двадцать два года она спала только в собственной кровати в собственной комнате в Бриджпорте, штат Коннектикут, да еще в течение последнего месяца – на подвесной койке на судне. Конечно же, никто не сможет войти в комнату, если дверь заперта на ключ, сколько бы она ни говорила «Войдите». Мак неоднократно и настойчиво напоминал ей о том, что следует запирать дверь. Впрочем, сама эта неуютная, запущенная комнатенка постоянно напоминала Джорджине о том, что она далеко от дома, что никому не следует доверять в этом негостеприимном, наводненном преступниками городе.

Из-за двери послышалась фраза, произнесенная с выразительным шотландским выговором, и Джорджина узнала Йена Макдонелла. Она открыла дверь. Вошел высокий крупный мужчина, отчего комнатка показалась совсем тесной.

– Есть какие-нибудь приятные новости?

Садясь на стул, на котором только что сидела Джорджина, он фыркнул:

– Зависит от того, как на это посмотреть.

– Опять надо разыскивать невесть кого?

– Да, но, полагаю, это лучше, чем полный тупик.

– Конечно, – без особого энтузиазма согласилась она.

Рассчитывать на большее особенно не приходилось. Некоторое время тому назад мистер Кимбалл, один из матросов корабля «Портунус», принадлежавшего ее брату Томасу, заявил, что он совершенно уверен в том, что видел ее давно пропавшего жениха Малкольма Камерона среди команды торгового судна «Погром», когда «Портунус» и «Погром» встретились на одном из морских перекрестков. Томас не имел возможности проверить утверждение мистера Кимбалла, поскольку узнал об этом лишь тогда, когда «Погром» скрылся из виду. С определенностью можно было сказать, что «Погром» держал путь в Европу, скорее всего в свой родной порт в Англии, хотя нельзя было исключить, что до этого он побывает в других портах.

Так или иначе, это было первое известие о Малкольме за шесть лет после того, как он был насильственно вербован в матросы перед началом войны в июне 1812 года.

Насильственная вербовка американских моряков английским флотом была одной из причин войны. Малкольму страшно не повезло: его забрали во время первого плавания, а

причиной тому был его корнуоллский акцент, поскольку первую половину своей жизни он прожил в Корнуолле – одном из графств Англии. Однако к тому времени он уже был американцем, его родители, ныне покойные, поселились в Бриджпорте в 1806 году и не имели намерений возвращаться в Англию. Однако английский офицер не пожелал этому поверить, и Уоррен, брат Джорджины и владелец судна «Нереус», где состоялась насильственная вербовка, до сих пор носит шрам на щеке, свидетельствующий о решительности намерений английской стороны завербовать Малкольма.

Джорджина слышала, что корабль, куда забрали Малкольма, списали, а команда его была распределена по нескольким судам. Больше ей ничего не было известно. Что делал Малкольм на английском торговом судне сейчас, когда война закончилась, не имело значения, но по крайней мере у Джорджины появилась возможность разыскать его.

– Кто и что сообщил вам на сей раз? – со вздохом спросила Джорджина. – Опять какой-нибудь незнакомец, который знает кого-то, кто знает того, кто может что-то знать о нем?

Мак хмыкнул.

– Голубушка, ты так говоришь, словно мы ходим кругами безрезультатно целую вечность. Мы занимаемся поисками всего четыре дня. Тебе бы хоть немного того терпения, которым обладает Томас.

– Не говорите мне о Томасе! Я зла на него за то, что он до сих пор ничего не сделал, чтобы найти Малкольма.

– Он бы нашел...

– Через шесть месяцев! Он хотел, чтобы я еще целых шесть месяцев ждала, когда он вернется из Вест-Индии! А сколько месяцев понадобится, чтобы доплыть сюда, разыскать Малкольма и вернуться с ним назад? Я и без того ждала целых шесть лет!

– Четыре года, – поправил ее Мак. – Никто не позволил бы тебе выйти замуж за этого парня, пока тебе не исполнилось восемнадцать.

– Это к делу не относится. Если бы кто-нибудь другой из братьев был дома, он непременно тотчас же отправился бы сюда. Увы, на месте со своим судном оказался только слишком оптимистичный Томас, у которого в придачу терпение святого. Вот как мне не повезло! А вы знаете, как он смеялся, когда я сказала, что, если я еще немного постарею, Малкольм откажется от меня?

Мак с трудом сдержал улыбку, услышав столь откровенный и простодушный вопрос. Неудивительно, что в свое время подобные рассуждения девушки вызывали смех у ее старшего брата.

Хотя прошло столько лет, девушка не вняла совету братьев забыть о Малкольме Каме-роне. Уже окончилась война, и парень, казалось бы, должен был вернуться домой. Но он так и не вернулся, а она все ждала. Один этот факт мог бы подсказать Томасу, что она не станет дожидаться, пока брат вернется из Вест-Индии. Они были членами одной семьи, и всем им в равной степени был присущ авантюризм, а вот терпением в отличие от Томаса Джорджина не обладала.

Конечно, в какой-то степени Томаса можно простить за то, что он не стал заниматься поисками Малкольма. Корабль брата Дрю должен был вернуться до конца лета и в течение нескольких месяцев, до следующего плавания, оставаться дома. А Дрю ни в чем не мог отказать единственной сестре. Но девушка не стала дожидаться возвращения Дрю, а заказала билет на корабль, который отправлялся спустя три дня после отплытия Томаса, и кое-как уговорила Мака сопровождать ее. Правда, он до сих пор не мог понять, каким образом ей удалось представить дело так, будто это была не ее, а его идея.

– Ладно, Джорджи, учитывая, что в Лондоне народу больше, чем во всем Коннектикуте, не стоит представлять все в мрачном свете. Человек, с которым я собираюсь встретиться, похоже, знает нашего Малкольма очень хорошо. Тот, с кем я говорил сегодня, сказал,

что Малкольм сошел с корабля вместе с этим мистером Уиллкоксом. Он может пролить свет на то, где искать парня.

– Звучит очень даже обнадеживающе, – согласилась Джорджина. – Может, этот мистер Уиллкокс даже отведет вас прямо к Малкольму, поэтому... Я думаю, мне надо пойти с вами.

– Ты не пойдешь! – отрезал Мак, сердито нахмурившись. – Я встречаюсь с ним в таверне!

– Ну и что?

– Еще натворишь бог знает что!

– Но, Мак...

– Даже не проси, девочка, – сурово сказал он.

Однако, перехватив брошенный ею взгляд, Мак понял, что она не отступится. Он прекрасно знал, что, если Джорджина что-нибудь решит, отговорить ее практически невозможно. И доказательством этого служит то, что она сейчас в Лондоне, а не дома, как считают ее братья.

Глава 2

В элитном Вест-Энде, что находится на другом берегу реки, возле фешенебельного дома на Пиккадилли остановилась карета, из которой вышел сэр Энтони Мэлори. Ранее это была его холостяцкая резиденция, которую теперь уже нельзя называть таковой, ибо он возвращался со своей молодой женой леди Рослин.

Джеймс Мэлори, брат Энтони, который жил в доме во время своих приездов в Лондон, услышав подъехавшую в столь поздний час карету, вышел в зал в тот момент, когда Энтони через порог вносил на руках новобрачную. Поскольку Джеймс пока не был осведомлен о том, кто она такая, он осторожно сказал:

– Полагаю, мне не следовало это видеть.

– Я думал, что ты не увидишь, – ответил Энтони, обходя брата и направляясь со своей ношей к лестнице. – Но коль скоро ты увидел, то знай, что я женился на этой девушке.

– Так я тебе и поверил!

– Он действительно женился! – Девушка улыбнулась ослепительной улыбкой. – Неужели вы думаете, что я позволю, чтобы первый встречный переносил меня на руках через порог?

Энтони на момент остановился, поймав недоверчивый взгляд брата.

– Господи, Джеймс, я, наверное, всю жизнь ждал такого момента, когда ты не найдешь, что ответить. Но надеюсь, ты простишь, если я не стану дожидаться, пока ты придешь в себя?

И Энтони скрылся.

От изумления Джеймс не сразу закрыл рот, но, впрочем, тут же открыл его снова, чтобы осушить бокал бренди, который держал в руках. Невероятно! Энтони заковал себя в кандалы! Самый известный повеса в Лондоне! Правда, эта слава перешла к нему после того, как сам Джеймс десять лет тому назад покинул Европу. И что же заставило брата совершить такой отчаянный шаг?

Бесспорно, леди была изумительно красива, но Энтони мог бы заполучить ее и каким-либо другим образом. Так случилось, что Джеймсу стало известно, будто Энтони уже соблазнил ее вчера вечером. В таком случае что заставило его на ней жениться? Семьи у нее не было, настаивать на браке было некому. Едва ли кто-либо мог посоветовать ему жениться, кроме разве что старшего брата Джейсона, маркиза Хаверстонского и главы семейства. Но впрочем, даже Джейсон не мог бы заставить Энтони жениться. Разве Джейсон за многие годы не пытался склонить его к женитьбе?

Никто не приставлял пистолета к голове Энтони и не вынуждал к подобной глупости. И вообще Энтони в отличие от виконта Николаса Идена всегда мог противостоять давлению со стороны старших. Николаса Идена принудили жениться на их племяннице Реган, или Регги, как ее все называли. Честно говоря, Джеймс до сих пор сожалеет, что он был лишен возможности высказать Николасу все, что он о нем думает. В то время в семье еще не знали, что он вернулся в Англию и испытывал желание задать виконту основательную трепку, которую тот, по его мнению, заслуживал совсем по другой причине.

Покачав головой, Джеймс прошел в гостиную и взял графин с бренди, решив, что пара дополнительных глотков поможет ему понять причину женитьбы брата. Любовь он сразу сбрасывал со счетов. Поскольку Энтони не поддался этому чувству в семнадцать лет, когда впервые познал сладость представительниц прекрасного пола, то, стало быть, он невосприимчив к этой болезни так же, как и сам Джеймс. Не приходится принимать в расчет и необходимость иметь наследника, поскольку все титулы семейства уже распределены. У Джейсона, старшего брата, уже взрослый сын Дерек, по годам догоняющий своих младших дядьев.

У Эдварда, второго по старшинству из семейства Мэлори, – пятеро детей, из которых все, кроме Эми, достигли брачного возраста. Даже у Джеймса был сын Джереми – правда, внебрачный, о существовании которого он узнал шесть лет назад. До этого он и не подозревал, чьего сына воспитывала работающая в таверне женщина. Сын продолжал работать там же и после смерти матери. Сейчас ему было семнадцать, и он пошел по стопам отца по части прекрасного пола. Энтони, четвертому сыну, не было необходимости заботиться об увековечении рода – об этом уже позаботились трое старших Мэлори.

Джеймс с графином бренди в руке опустился на диван. Сэр Мэлори был отлично сложен, хотя ростом недотянул до шести футов. Он снова вспомнил о новобрачных и задал себе вопрос, чем они сейчас могут заниматься. Его красиво очерченные, чувственные губы сложились в улыбку. Но ответа на вопрос о том, почему Энтони женился, он так и не нашел. Сам Джеймс никогда подобной ошибки не совершит. Но он готов признать, что уж коли Энтони суждено попасть в капкан, то захлопнуть его должна была такая красотка, как Рослин Чэдуик... Впрочем, теперь она уже была Мэлори.

Джеймс и сам подумывал о том, чтобы приударить за ней, хотя Энтони уже успел выразить свой интерес к Рослин. Когда они были совсем молодыми, то нередко из спортивного интереса принимались ухаживать за одной и той же женщиной. Победителем оказывался тот, на ком женщина раньше останавливала свой взор. Энтони у женщин имел репутацию дьявольски красивого и неотразимого, а Джеймс считал таковым и себя.

Тем не менее внешне братья разительно отличались друг от друга. Энтони был выше и стройнее, от бабушки он унаследовал черные волосы и темно-синие глаза. Такой же масти были Реган, Эми и, как ни досадно, собственный сын Джеймса – Джереми, который, что еще более досадно, был больше похож на Энтони, чем на отца. У Джеймса были вполне типичные для всех Мэлори белокурые волосы, зеленоватые глаза, крепко сбитая фигура. «Большой, белокурый и безумно красивый», – говаривала Реган.

Джеймс хмыкнул, вспомнив о милой племяннице. Его единственная сестра Мелисса умерла, когда ее дочери было всего два года, так что девочку вырастили и воспитали все братья. Они любили ее как дочь. Но сейчас она была замужем за этим прохвостом Иденом, и Джеймсу ничего не оставалось, как терпеть этого типа. Впрочем, Николас Иден уже сумел зарекомендовать себя образцовым мужем.

Опять же мужем. Но у Идена была причина. Он обожал Реган. Что касается Энтони, то он обожал всех женщин. В этом Энтони и Джеймс были одинаковы. И хотя Джеймсу сейчас исполнилось тридцать шесть лет, пока что не родилась еще женщина, которая могла бы заманить его в супружеские сети. Любить женщин и вовремя уходить от них – это было его кредо, которого он придерживался многие годы и не намерен был менять и впредь.

Глава 3

Йен Макдонелл был американцем во втором поколении, однако его шотландские корни заявляли о себе рыжими, морковного цвета, волосами и картавым «р». Зато он был начисто лишен шотландского темперамента: выглядел сдержанным и спокойным, каким, собственно, и был все сорок семь лет своей жизни. Однако накануне вечером и в первую половину нынешнего дня он по-настоящему раскрыл свой темперамент.

Будучи соседом Андерсонов, Мак знал их семью всю жизнь. Он плавал на их судах свыше тридцати пяти лет, начав в семилетнем возрасте юнгой у Андерсона-старшего и дослужившись до первого помощника капитана на судне «Нептун», владельцем которого был Клинтон Андерсон. По меньшей мере раз десять он отказывался от звания капитана. Подобно Бойду, младшему брату Джорджины, он не любил брать на себя ответственность. (Впрочем, юному Бойду неизбежно придется это делать.)

Пять лет назад Мак распрощался с морем, но остался при судах; теперь в его обязанности входило проверять исправность каждого судна «Скайларк лайн», возвратившегося в порт.

Когда пятнадцать лет назад умер старый Андерсон, а спустя несколько лет и его жена, Мак добровольно взвалил на себя заботу о детях, хотя был всего на семь лет старше Клинтона. Он следил за их воспитанием, не скупился на советы и обучал мальчишек, а если честно, то и Джорджину, всему тому, что знал о кораблях сам. Не в пример их отцу, который бывал дома между плаваниями не больше одного-двух месяцев, Мак мог провести на берегу до шести месяцев в год, прежде чем ветер странствий опять звал его в путь.

Как это обычно бывает, если человек предан морю больше, чем собственной семье, рождение каждого ребенка у Андерсонов отмечалось тем, что отец отправлялся в плавание. Клинтон был первенцем, и ему сейчас исполнилось сорок. Отец четыре года путешествовал по Дальнему Востоку, после чего родился Уоррен, который был на шесть лет моложе Клинтона. Томаса от Уоррена отделяют четыре года, ровно столько же – Дрю от Томаса. Дрю был единственным из детей, рождение которого совпало с пребыванием отца дома. Объяснялось это тем, что жестокий шторм изрядно потрепал его корабль и вынудил вернуться в порт. Случившиеся за этим передраги задержали отплытие почти на год, и Андерсон стал свидетелем рождения Дрю и зачал Бойда, появившегося на свет спустя одиннадцать месяцев после брата.

А еще через четыре года появился на свет младший ребенок – единственная дочь. В отличие от мальчишек, которые бредили морем с детства и рано уходили в плавание, Джорджина оставалась дома и встречала каждый возвращающийся корабль. Поэтому неудивительно, что Мак был так привязан к девушке, ибо он провел с ней времени больше, нежели с кем-либо из ее братьев. Он отлично знал ее повадки и трюки, на которые Джорджина пускалась, чтобы добиться своего, и, конечно же, ему следовало быть непреклонным, когда ей пришла в голову эта неслыханная идея. И тем не менее сейчас Джорджина находилась рядом с ним, в баре одной из самых непрезентабельных таверн в порту.

Мак был бы весьма рад, если бы девушка все же поняла, что капризы завели ее слишком далеко. Она нервно озиралась по сторонам, словно щенок, и даже кортик, спрятанный в рукаве, не добавлял ей уверенности и спокойствия. Однако упрямство не позволяло ей уйти до тех пор, пока она не увидит мистера Уиллкокса. К счастью, она предусмотрительно оделась так, что в ней трудно было заподозрить женщину.

Ее тонкие, хрупкие руки скрывали огромные неряшливые перчатки, которые Мак никогда раньше не видел. Они были настолько велики, что ей с трудом удавалось поднимать кружку с элем, который ей заказал Мак. Картину дополняли брюки в заплатках и свитер.

Одежда, одолженная у старьевщика, была ей катастрофически велика, зато не давала возможности обнаружить никаких подозрительных выпуклостей, если только девушка не поднимала руки. На ногах ее была пара собственных, уже не поддающихся ремонту ботинок. Темные волосы тщательно заправлены под шерстяную шапку, натянутую настолько низко, что она почти закрывала глаза.

Джорджина в этом наряде являла собой весьма жалкое зрелище, однако гармонировала с окружением гораздо больше, нежели Мак, одетый в собственную одежду, пусть не слишком изысканную, но тем не менее заметно превосходящую по качеству одежду находящихся в таверне матросов. По крайней мере до того момента, пока в дверях не показались два джентльмена.

Удивительно, насколько быстро можно заставить замолчать шумную, гомонящую таверну. В мгновенно наступившей тишине слышалось лишь тяжелое сопение да еще шепот Джорджины.

– Что это значит?

Мак не ответил, жестом призвав ее помолчать, во всяком случае, пока посетители пытались определить намерения и настрой вошедших. Очевидно, их просто решили проигнорировать. За столами снова загомонили. Мак взглянул на Джорджину: она сидела, опустив глаза.

– Это не те люди, которых мы ждем, но, судя по виду, господа. Сюда нечасто такие заглядывают, насколько я понимаю.

В ответ раздался шепот Джорджины:

– Разве я не говорила всегда, что у этих англичан надменности столько, что они не знают, что с ней делать?

– Всегда? – хмыкнул Мак. – Насколько я помню, ты стала это говорить с шестнадцати лет.

– Только потому, что раньше я об этом не знала, – недовольным тоном возразила Джорджина.

Она испытывала неприязнь к англичанам за то, что те силой увезли ее жениха; это раздражение не уменьшилось после окончания войны и вряд ли пройдет раньше, чем она заполучит парня назад. Однако свою неприязнь Джорджина не выказывала откровенно, во всяком случае, так полагал Мак. Вот ее братья, те не стеснялись почему зря слать проклятия англичанам уже задолго до начала войны, когда блокада европейских портов, начатая Англией, создала большие препятствия для торговли. Если кто по-настоящему и имел зуб на англичан, так это братья Андерсон.

Лет десять подряд девушка постоянно слышала, что англичане – надменные выродки, и, хотя в то время это не особенно затрагивало ее, она могла слушать и сочувственно кивать братьям. Однако когда английский произвол затронул лично ее, все изменилось. Правда, она по-прежнему не высказывалась на этот счет столь горячо, как братья. Однако никто не мог усомниться в том, какое презрение и какую антипатию испытывала она ко всему английскому. Просто она выражала свои чувства в вежливой форме.

Джорджина почувствовала изумление Мака, даже не видя его удивленной улыбки. У нее нервно подрагивали ноги, она боялась поднять голову и посмотреть на эту шумную толпу, а Мак нашел повод чему-то удивляться. Ее подмывало взглянуть на вошедших господ, которые наверняка разодеты, как щеголи. Наконец она сказала:

– Уиллкокс, Мак. Вы помните его? Это то, ради чего мы сюда пришли. Может быть, надо...

– Ну-ну, не суетись, успокойся, – мягко перебил ее Мак.

Джорджина вздохнула:

– Простите. Просто мне хотелось бы, чтобы этот парень пришел поскорее, если он вообще намерен здесь появиться. Вы уверены, что его еще здесь нет?

– У него несколько бородавок на щеках и на носу и еще больше – на нижней губе. Это невысокий, коренастый, желтоволосый парень лет двадцати пяти. С такими приметамы мы не пропустим его.

– Если только внешность описана точно, – заметила Джорджина.

Мак пожал плечами.

– Это все, чем мы располагаем, во всяком случае, лучше, чем ничего... Обходить все столы и спрашивать каждого я не собираюсь... Боже мой, у тебя волосы выбились, девоч...

– Тс-с! – шикнула Джорджина, не давая ему выговорить до конца опасное слово и одновременно поднимая руку, чтобы заправить предательский локон.

При этом свитер обтянул грудь, выдавая ее принадлежность к женскому полу. Джорджина быстро опустила руку, однако ее движение не укрылось от взгляда одного из двух джентльменов, появление которых в таверне несколько минут назад вызвало необычную реакцию присутствующих.

Джорджина заинтересовала Джеймса Мэлори, хотя по его виду этого сказать было нельзя. Сегодня вместе с Энтони они побывали уже в восьми тавернах в поисках Джорди Камерона – кузена Рослин, шотландца по происхождению. Этим утром Энтони услышал историю о том, как Камерон пытался заставить Рослин выйти за него замуж, даже похитил ее, но ей удалось бежать. По этой причине, чтобы защитить девушку от подлого и вульгарного кузена, как выразился Энтони, он и женился на ней. Помимо этого, Энтони преисполнился решимости разыскать парня, задать ему основательную трепку, просветить его относительно того, что Рослин замужем, и отправить назад, в Шотландию, внушив, что ему следует оставить свою кухню в покое. Хотел ли Энтони лишь защитить невесту или за этим крылись какие-то личные интересы?

Какими бы мотивами Энтони ни руководствовался, но, увидев рыжеволосого мужчину в баре, он решил, что нашел того, кого искал. Именно поэтому они и расположились так близко к бару, рассчитывая почерпнуть дополнительную информацию из разговора мужчины с его собеседником. О Джорди Камероне они знали лишь то, что он высок, голубоглаз, что у него рыжие волосы и ярко выраженный шотландский акцент. Последний факт обнаружился сразу же, когда мужчина слегка повысил голос. Джеймс готов был поклясться, что мужчина бранит своего друга. Энтони же в первую очередь отметил его шотландский выговор.

– Услышанного мне вполне достаточно, – сказал Энтони, резко вставая из-за стола.

Джеймс был лучше знаком с тавернами в порту, нежели его брат; он знал, во что может вылиться потасовка. К ней могут присоединиться едва ли не все, находящиеся в зале. И хотя Энтони был первоклассным боксером (как, впрочем, и Джеймс), здесь спортивные правила не действовали: пока будешь сражаться с одним, вполне можешь получить удар в спину от другого.

Предвидя вероятность подобного поворота событий, Джеймс схватил брата за руку и прошипел:

– Ты пока ничего не слышал. Будь благоразумен, Тони. Неизвестно, сколько приятелей пьют здесь за его счет. Лучше подождать, пока он выкатится отсюда.

– Ты можешь ждать сколько угодно. А у меня дома молодая жена, и я больше ждать не могу.

Но прежде чем брат двинулся, Джеймс решил, что благоразумно окликнуть сидящего, надеясь, что ответа не последует и этим все закончится.

– Камерон!

Ответ последовал, да еще какой энергичный.

Услышав знакомое имя, Джорджина и Мак резко повернулись в сторону Джеймса. Девушка понимала, что тем самым она открывает лицо на обозрение всей таверне, но она так надеялась увидеть Малкольма! Возможно, именно его сейчас окликнул этот господин. Что касается Мака, то, увидев, как высокий черноволосый аристократ решительно отмахнулся от предостерегающего жеста своего белокурого приятеля, во взгляде которого явно читалась враждебность, он мгновенно напрягся и приготовился к защите. В мгновение ока брюнет преодолел разделяющее их расстояние.

Отбросив всякую предосторожность, Джорджина зачарованно уставилась на высокого брюнета – самого красивого из голубоглазых дьяволов, какого ей когда-либо доводилось видеть. В ее сознании мелькнуло, что он, по всей видимости, был одним из тех господ, о которых Мак пытался ей раньше рассказать, и что он существенно отличался от тех, о ком у нее сложилось собственное представление. В этом джентльмене не было ничего от шеголя и фата. Несомненно, костюм его был сшит из дорогой материи, но в то же время в нем не было никаких излишеств. Если бы не слишком уж модный галстук, можно было бы сказать, что одет он, как любой из ее братьев, когда хочет выглядеть чуть элегантнее обычного.

Все это пронеслось в голове Джорджины, однако спокойнее ей не стало, ибо намерения господина отнюдь не выглядели дружественными. Чувствовалось, что им владеет с трудом сдерживаемый гнев, направленный почему-то исключительно на Мака.

– Камерон? – негромко спросил мужчина, обращаясь к Маку.

– Меня зовут Макдонелл, приятель. Йен Макдонелл.

– Ты лжешь!

Джорджина опешила, услышав подобное обвинение. Она ахнула, когда мужчина схватил Мака за лацканы пиджака и приподнял его со стула. Лица обоих оказались в нескольких дюймах друг от друга, взгляды их скрестились; серые глаза Мака сверкали негодованием. Джорджина не могла позволить им затеять драку. Возможно, Маку, как и всякому моряку, драка со скандалом в удовольствие, но черт побери, они здесь находятся совсем не для этого! И вовсе ни к чему привлекать к себе всеобщее внимание.

Времени на то, чтобы обдумать дальнейшие действия, не было, и Джорджина вытащила из рукава нож. Она совсем не собиралась пускать его в ход, а хотела лишь припугнуть элегантного джентльмена и заставить его ретироваться. Но раньше, чем ей удалось взять нож огромными перчатками, он был выбит из ее рук.

После этого Джорджина по-настоящему испугалась, слишком поздно вспомнив, что напавший на Мака мужчина был здесь не один. Она не знала, почему эти люди выбрали именно их двоих, хотя зал был полон и можно было поразвлечься с кем-то еще. Но она слышала о том, что надменные господа любят продемонстрировать свою силу и власть и поугатать людей из низших классов. Однако Джорджина не собиралась молча позволять им куражиться над собой. Ни за что на свете! Из головы напрочь вылетело то, что ей необходимо остаться незамеченной. Свершалась несправедливость, подобная той, в результате которой она потеряла Малкольма.

Развернувшись, девушка отчаянно бросилась в атаку, собрав воедино все негодование и злость, которые она испытывала к англичанам, и в особенности к аристократам. Она била мужчину кулаками и пинала ногами, но от этого страдали только ее кулаки и пальцы на ногах. Было такое ощущение, что она бьется о каменную стену. Однако это лишь распалило ее. «И не надейся, – мысленно произнесла она. – Я не отступлю перед тобой, Каменная Стена».

Должно быть, это могло продолжаться до бесконечности, если бы Каменная Стена не решил, что пора с этим кончать. Внезапно Джорджина почувствовала, что она отлетела, словно пушинка, и – о ужас! – рука мужчины легла ей на грудь.

Но этим все не закончилось. Брюнет, удерживающий Мака, вдруг громко воскликнул:

– Боже мой, да *он*, оказывается, женщина!

– Я знаю, – ответил Каменная Стена.

– Ах вы, мерзкие твари! – во весь голос воскликнула Джорджина, поняв, что маскироваться дальше бессмысленно. – Мак, сделайте что-нибудь!

Мак сделал было попытку нанести удар черноволосому джентльмену, но кулак последнего отбил его руку и прижал к стойке бара.

– В этом нет нужды, Макдонелл, – сказал брюнет. – Я ошибся. Не тот цвет глаз. Приношу извинения.

Мак был обескуражен тем, насколько легко его переиграли. Ростом он не уступал англичанину, однако не мог вырвать свой кулак из-под его руки. Да если бы даже и смог, то, как он чувствовал, из этого не вышло бы ничего хорошего.

Он благоразумно кивнул, дав понять, что принимает извинения, после чего почувствовал, что его рука обрела свободу. Однако Джорджину продолжал крепко держать блондин, в котором Мак инстинктивно признал более опасного негодяя.

– Отпусти ее, приятель, если не хочешь неприятностей.

– Спокойно, Макдонелл, – увещевающим тоном проговорил брюнет. – Он не причинит девочке вреда. Может, ты проводишь нас к выходу?

– Нет необходимости...

– Ты оглядись, дорогой друг, – перебил его блондин. – Похоже, необходимость есть, после того как мой брат допустил такой промах.

Мак повернул голову и чертыхнулся. Глаза всех присутствующих в зале были устремлены на девушку, которую железной хваткой держал крепкий джентльмен, продвигаясь с ней к дверям. Но вот чудо: она не кричала и не жаловалась на грубое обращение. Во всяком случае, Мак не заметил ничего подобного, поскольку ее попытки выразить возмущение замерли после того, как крепкая рука сжала ей ребра. Мак также благоразумно замолчал и последовал за ними, понимая, что, если бы не этот грозный приятель, уносящий Джорджину, ему с девушкой далеко от таверны уйти не удалось бы.

Джорджина также сознавала, что может попасть в серьезную переделку, если не выберется отсюда как можно быстрее. И виновата во всем она сама. Все это вынудило ее смирить свой гнев.

Внезапно путь им преградила миловидная девица, которая работала в таверне. Она бесцеремонно дотронулась до незанятой руки мужчины, несущего Джорджину.

– Вы вернетесь сюда? Вы не насовсем?

Джорджина сдвинула назад шапку, чтобы рассмотреть, насколько красива эта девица, и услышала голос Каменной Стены:

– Я приду попозже, детка.

Лицо девицы просветлело. Она даже не сочла нужным взглянуть на Джорджину, которая вдруг с изумлением поняла, что та жаждет оказаться в обществе этого пещерного человека. До чего же удивительные бывают у людей вкусы!

– Я заканчиваю в два, – уточнила она.

– Стало быть, в два.

– Две девицы для одного – это, я думаю, многовато.

Эти слова произнес дюжий матрос, который поднялся из-за стола и преградил путь к двери.

Джорджина похолодела. Матрос был явно из тех, кто любит задираться и хорошо владеет кулаками. И он превосходил Каменную Стену по росту и габаритам. Правда, она забыла о другом джентльмене, которого тот называл братом и который подошел и стал рядом. Вздохнув, он сказал:

– Я думаю, тебе не надо опускать ее на землю и ввязываться в это дело, Джеймс.

– Отойди отсюда, приятель, – предупредил его матрос. – У него нет права приходить сюда и уводить не одну, а сразу двух наших женщин.

– Двух? Эта маленькая оборванка – твоя женщина? – Брат посмотрел в лицо Джорджины, которая встретила его убийственным взглядом. Может быть, по этой причине он лишь после некоторого колебания спросил: – Ты его женщина, дорогая?

О, как ей хотелось сказать «да!». Если бы она была уверена, что успеет убежать, пока моряк будет крушить этих двоих. Но такой уверенности у нее не было. Она могла сколько угодно злиться на обоих джентльменов, и в особенности на того, кого звали Джеймс и кто так неделикатно схватил ее, но вынуждена была скрыть свой гнев и отрицательно покачать головой.

– Полагаю, ответ исчерпывающий, – не допускающим возражений тоном сказал брат. – А теперь не валяй дурака и отойди с дороги.

Но матрос уперся:

– Он не вынесет ее отсюда!

– Черт бы тебя побрал, – каким-то усталым тоном проговорил джентльмен, и его кулак пришел в соприкосновение с челюстью матроса, после чего тот приземлился в нескольких футах и остался недвижим. Из-за столика, где он раньше сидел, с грозным ревом поднялся мужчина. Последовал короткий прямой удар, и мужчина плюхнулся на стул, прикрыв рукой нос. Из-под руки по подбородку потекла кровь.

Джентльмен медленно оглядел сидящих за столами, вопросительно выгнув черную бровь.

– Есть еще желающие?

Стоявший позади него Мак ухмыльнулся, осознав лишь сейчас, насколько ему повезло, что он не полез в драку с англичанином. Больше никто в зале вызова не принял. Развязка произошла мгновенно. Все поняли, что перед ними первоклассный боксер.

– Неплохо сработано, мой мальчик, – поздравил Джеймс брата. – Надеюсь, теперь мы можем уйти отсюда?

Энтони отвесил поклон и улыбнулся:

– После тебя, старик.

Выйдя из таверны, Джеймс опустил девушку на землю. При свете фонаря над входной дверью у нее наконец появилась возможность впервые по-настоящему взглянуть на него. После секундного колебания она пнула его в голень и бросилась бежать по улице. Громко чертыхнувшись, он бросился было за ней, но через несколько шагов остановился, осознав бесполезность погони. Улица была темная, и Джорджина уже скрылась из виду.

Он вернулся назад и вновь выругался, обнаружив, что Макдонелл также исчез.

– А этот чертов шотландец куда делся?

Энтони рассмеялся:

– За это надо благодарить тебя. Я хотел спросить его, почему они оба повернулись, когда услышали имя Камерона.

– Черт с ним, с Камероном, – отрезал Джеймс. – Другое дело, как мне найти ее, если я не знаю даже ее имени?

– Найти ее? – Энтони снова хмыкнул. – Бог мой, да ты просто не жалеешь себя! Зачем тебе эта драчунья, если тебя сейчас ждет не дождетя красотка не хуже?

Однако у Джеймса интерес к красотке из таверны почему-то внезапно пропал.

– Она заинтересовала меня, – вдруг признался Джеймс и пожал плечами. – Но, пожалуй, ты прав. Эта крошка в таверне сможет меня утешить, хотя на твоих коленях она провела не меньше времени, чем на моих.

Но, сказав это, он все же бросил долгий взгляд на темную улицу и, вздохнув, направился к поджидавшей его карете.